

Баки нарадоваться не мог на то, что друид очнулся от своего колдовского сна, и бегал вокруг него неугомонной белкой. Как и щенки, которые сначала подозрительно ворчали, когда Стив пытался схватиться ослабшими пальцами за их длинную шерсть, но затем осмелели и сами начали ластиться, подставляя розовое мягкое пузо под руку. И Баки в такие моменты замирал, что бы ни делал: губы Стива трогала слабая, светлая улыбка, а щёки розовели чуть больше. И когда щенки принимались с двух сторон вылизывать друиду пальцы или лицо, а Баки больше для вида шпынял их, на самом деле он готов был простить им все мелкие пакости, когда-либо устроенные, и беспорядок, и пёсий дух, намертво поселившийся в землянке. Потому что они делали то, к чему Баки не знал, как подступиться. Они заставляли Стива улыбаться и двигать хотя бы руками, пока его ноги не чувствовались после долгого лежания.

А на третий вечер пришла ведьма. Баки уже валился без сил после тяжёлого дня и снимал с себя одежду, чтобы по недавнему обычаю лечь к друиду нагим и греть его всю ночь. Как вдруг волчата затявкали на полог, а после заворчали и, скуля, забились к дальней стене, поддев носами ворох старых шкур. Баки, не долго раздумывая, схватил топорик и, изобразив воинственное выражение на лице, двинулся наружу.

Ведьма стояла поодаль, но её фигуру вычерчивали алые закатные лучи, и на фоне тёмного леса она смотрелась пугающе. Баки глубоко вздохнул и воткнул топорик в колоду для рубки дров. Он не собирался идти к ведьме с оружием. Она даже сейчас заставляла его сердце загнанно биться, а волоски на руке и затылке вставать дыбом. И всё же Баки был благодарен, что она не подошла ближе. Её присутствие угнетало. И это совершенно точно не было нужно сейчас едва очнувшемуся от спячки друиду. Баки надеялся, что когда Стив встанет на ноги и окрепнет, он сам захочет навестить ведьму. И тогда Баки не станет препятствовать. Но, конечно, тихо пойдёт следом, чтобы удостовериться, что всё в порядке. Баки с какой-то волчьей тоской подумал, что больше ни шагу не даст Стиву ступить без своего ведома. Он просто не переживёт, если с этим малахольным мальчишкой снова что-то случится.

— Зачем пришла? — хриплым голосом спросил Баки и нахмурился, кашлянул. Он немного говорил с друидом, когда находился рядом, кормил или носил до отхожего места. Но у того было так мало сил, что отвечал он редко, и голос Баки становился всё ниже и грубее оттого, что почти не пригождался.

Ведьма коротко рассмеялась каркающим смехом. Её чёрные волосы ниспадали с непокрытой головы и терялись в длинной чёрной волчьей шерсти. И казалось, что укутана ведьма не шкурой, а собственными волосами.

— Пришла тебя уму-разуму учить. Чтобы ты моего друга не загубил, однорукий воин. Ты даёшь ему козье молоко, как я учила?

Вопрос окатил Баки ледяной водой. Он поил друида мясными бульонами и даже готовил невкусную жидкую кашу, но нет, он не давал ему того молока больше. И был бы счастлив даже не вспоминать об этом.

— Ты глуп, однорукий воин. Ты должен слушать ведьму, если хочешь поставить друида на ноги. Если бы ты не помогал мне, я бы не пришла сюда сейчас. Я бы рассудила, что если мальчишка

хочет быть в свите Дикой Охоты, то не мне ему перечить, — Баки оскалился на эти слова, но их с ведьмой разделял добрый десяток шагов, и он вынужден был прислушиваться к её негромкому каркающему бубнежу. Молодая вроде деваха, а голос, как у старухи. — Ты вытащил его. С того света вытащил. А сейчас стоишь тут и мнёшься, гадая, нужно ли продолжать. Если ты не выпоишь его тем молоком до времени, пока он не поднимется на ноги, он больше никогда не встанет. Уразумел?

Баки глянул на неё насуплено и сжал губы. Кивнул. Чего уж тут не понятного?

— Не забывай добавлять траву — это другая. И семя. Кровь себе больше не пускай, но если будет свежая дичь, давай ему пить. Пусть занимает чужую силу, пока своей нет.

С этими словами ведьма кинула ему под ноги полный полотняный мешочек, развернулась, и, помогая себе узловатой палкой, пошла в сторону своего лесного убежища, едва приминая пушистый снег. Словно была лёгкой, как птичка.

Когда она скрылась за вечерними лесными тенями, Баки подошёл и подобрал мешочек. Он уже промёрз до костей и мечтал поскорее вернуться в тепло.

— Алая приходила? — спросил Стив тихо и сонно, когда Баки лёг к нему под шкуру и прижался голой кожей, притягивая к себе рукой.

— Спи, — только и буркнул Баки в ответ. Он был расстроен и смущён. У него оставалась ещё последняя мороженная тушка тетерева, и он вынужден будет завтра отнести её в обмен на молоко. Ещё немного волчьего мяса, оставленного на чёрный день, и всё — они снова останутся без провизии. Он должен будет идти на охоту в то время, как снег засыпал их землянку каждую ночь едва ли не по дымоход. Баки понятия не имел, переживут ли они эту зиму. И встанет ли на ноги друид?

Но сейчас сердце под единственной его ладонью стучало тихо и ровно, а кожа, по которой Баки, забываясь, водил пальцами, чувствовалась давно забытым шёлком, тёплым и гладким. Стив ровно и глубоко дышал, Хмага устраивалась под его боком, а Хьялги всегда спал в ногах Баки. Потому он отогнал тяжёлые думы и закрыл глаза. Мать часто говорила, что утро вечера мудренее. И светлейшая богиня Дану не оставит своего сына без помощи и пропитания.

Добыв молоко, Баки вернулся и застал друида, свалившегося с ложа на полпути к шкуре-занавеси.

— Донеси... до отхожего, — простонал он, пытаясь ползти даже тогда, когда Баки, потеряв дар речи, едва не выронил глиняный горшочек из руки. Тут же отставив его на деревянную полку повыше, дальше от наглых волчьих морд, Баки присел на колено перед друидом и, уже приловчившись, взвалил звонкое тело себе на плечо.

— Горе моё, — шептал Баки, пока нёс всхлипывающего друида. И тут же уже тише, почти по

себя добавлял: — Счастье моё.

<http://erolate.com/book/3459/83634>